

23—25. В этих строках писец, продолжая свою речь, очевидно, хочет сказать, что трудна не только профессия писца, но и певца — если не умеешь петь, то овладеть этим искусством так же трудно, как пройти от одного берега моря до другого. В эрмитажном тексте кажется неправильным поэтому написание *nam-nar-ni* вместо предлагаемого вариантами *nam-nar-ni* — букв. «если нет песни». Кроме того, при таком толковании отрывка в стк. 24 эрмитажного текста оказывается опущенным глагол (*nu-DU* в вариантах). Возможно, это связано с тем, что в публикуемом тексте стоят *šag₄-nar-ka* и *nam-dub-sar*, в то время как в вариантах только *šag₄-nam-nar-ka*. Предлагаемое толкование текста отрывка предположительно, С. Н. Крамер понимает его несколько иначе: «For if not for song (poetry) — like the banks of the sea, the banks of the distant canals, is the heart of song distant — ...» (Kramer, *History Begins at Sumer*, стр. 15).

26—27. Большую трудность в переводе этих строк составляет слово *giš-gíd-da*, основное значение которого «лук, палка» (SL, 371 86 d и 48 d) для данного контекста не подходит. По всей вероятности, это какой-либо термин, ср. *im-gíd-da* «глиняная табличка» и *kuš-gíd-da* «пергамент» (CAD, V, 103, 3). Отсюда возможно, что *giš-gíd-da* «деревянная табличка», ср. *giš.da* = акк. *gištu* «деревянная табличка» (CAD, V, 110). В данном случае *giš-gíd-da* употреблено, по-видимому, не в этом значении, а в производном. Судя по контексту, речь идет о профессии писца и его отца, поэтому *giš-gíd-da* предположительно переводим как «профессия».

28. *nam^d-En-líl-lá*, очевидно, (**nam^d-Enlil-a*, где *nam-...-a* сложный предлог, ср. *nam-...-še* «из-за, ради» (GSG, § 383). *Nam-...-a-a* А. Фалькенштейн переводит «из-за», «ради» (GSGL, I, 118 и *Das Sumerische*, стр. 40). Однако подобное значение для данного контекста не подходит. Поскольку известно, что именно Энлиль определил людям судьбу, может быть, следует переводить «Энлилем».

31. *a-gá-na-me* — букв. «ни разу», ср. MSL, I, стр. 93: *lú-n[a-me eg]ir-a-ni nu-un-SAR* «никто не высказался по его делу»; SGL, I 16, 102: *dingir-na-me igi nu-mu-ni-in-duš* «никакой бог не смотрит (при этом)»; Kramer, *Schooldays*, стр. 207: *ki-na-me-še nu-du-du-dè-en* — «никуда я не хожу». *inim-tar* = акк. *dalālu* (SL 15, 51) на этом основании *inim-tar* переводим «почет», КА-КА переводим как «уважение» только по контексту, обычно данная комбинация имеет значение «дело, просьба», ср. MSL, I, стр. 93: *lú-na-me in[im-inim-m]a-a-ni giš nu-un-tuku* «никто не удовлетворил (не услышал) его просьбу».

И. Т. Канева

НЕКОТОРЫЕ НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ТЕРМИНА MRT

Древнеегипетский социальный термин *mrt* является в течение многих лет предметом дискуссий в советской науке — мы имеем в виду не только доклад В. В. Струве 1934 г. и выступления по этому докладу¹, положившие ей начало, не только работу И. М. Лурье об имунитетных грамотах² и М. А. Коростовцева о декрете из Наури³

¹ В. В. Струве, Проблема зарождения, развития и разложения обществ древнего Востока, ИГАИМК, вып. 77, 1934, стр. 38, 96, 159—161 и 168.

² И. М. Лурье, Имунитетные грамоты Древнего царства, ТОВЭ, I, 1939, стр. 122, 125.

³ М. А. Коростовцев, Декрет Сети I в Наури, «Исторический архив», 2, 1939, стр. 239—297.

дискуссионные статьи, опубликованные в ВДИ ⁴, но и работы, затрагивающие этот вопрос в связи с иными проблемами ⁵. Особенно важное значение имеет, с нашей точки зрения, исследование Ю. Я. Перепелкина о *gr šn*^c, теснейшим образом связанное с вопросом о *mr.t*, поскольку перевод термина *gr šn*^c как «эргастерий», предложенный «Берлинским словарем» и А. Гардинером, использовался участниками дискуссии как один из важных аргументов в пользу перевода термина *mr.t* словом «рабы» ⁶. «Что словами „дом *шнау*“ или „*шнау*“ обозначали склады, — пишет Перепелкин (ук. соч., стр. 142), — общеизвестно, так же как общеизвестно и то, что в местах, так обозначаемых, могли согласно гробничным изображениям приготавливаться еда и питье, преимущественно хлеб и пиво, а также изготовляться нужная для пива посуда.

Задача моего доклада состоит в том, чтобы напомнить и отчетливее очертить эти назначения „дом *шнау*“ и показать, что других назначений он, видимо, не имел и что считать его *ergastulum* для рабов вообще, в особенности же для занятых в земледелии, нет оснований».

Но несмотря на сравнительно большое число работ, посвященных термину *mr.t*, они не исчерпали даже важнейших источников, способных пролить свет на эту проблему. Поэтому представляется целесообразным обратить внимание на некоторые из этих источников.

Среди них чрезвычайно интерес представляет прежде всего свидетельство изображений и надписей из гробницы современника Пепи II (VI дин.), номарха XIV нома Верхнего Египта Пеппанах. На одной из стен его гробницы изображено приношение заупокойных жертвенных даров ⁷. Изображения на этой стене разделены, как обычно, на несколько регистров. В третьем регистре, в правой его части, показано, как семь человек несут газель, гусей, теленка, ногу быка, лотос. Над ними надпись: «Приношение всякое свежее, доставленной из *hwt* его, из поселений (*nwt*) его Верхнего и Нижнего Египта заупокойными жрецами».

В пятом регистре представлены 22 человека, которые приносят гусей, газелей, ноги быков, корзинки с какими-то дарами, связки лотоса. Над первыми пятнадцатью фигурами обозначены контуры изображенных людей: трое из них — это «первые в великом доме царя», один — «первый у царя», один — «судья и правитель нома, великого дома», один — «херихеб», двое — «почтенные у царя», пятеро — «почтенные у царя, начальники дома», двое — «начальники туалета». Над остальными семью дарителями написано: «Доставление всяких свежих вещей, всяких (*sic!*) гусей людьми твоего дома вечности».

Наибольшее значение для нас имеет четвертый регистр. Здесь в правой части изображены восемь человек с заупокойными дарами — корзинками с продуктами — гусями, ягненком, газелью, ногой быка (фигуры 6—13). Слева, впису, у каждой фигуры дарителя отмечаются его титул и имя: «первый у царя», «почтенный у царя», «начальник дома», «контролер врачей», «старший дома»; имена людей типично египетские: Птахшесес, Пеппанах, Хунух, Хепп, Хнуманах, Хенунес. Над всей группой — над-

⁴ Е. В. Черезов, Социальное положение *mr.t* в храмовом хозяйстве Древнего царства, ВДИ, 1951, № 2, стр. 40—46; И. М. Лурье, Древнеегипетские термины *мерет* и *хентиуше* во времена Древнего царства, ВДИ, 1951, № 4, стр. 73—82; Е. В. Черезов, К вопросу о значении древнеегипетских терминов *мерет* и *хентиуше* во времена Древнего царства, ВДИ, 1952, № 2 стр. 122—126; И. С. Кацнельсон, О значении древнеегипетского термина *мерет*, ВДИ, 1954, № 2, стр. 19—27; И. М. Лурье, Еще раз о термине *мерет*, ВДИ, 1955, № 1, стр. 146—157.

⁵ Ю. Я. Перепелкин, «Дом *шнау*» в Старом царстве, «Труды XXV МКВ», М., 1962, стр. 138—142; И. А. Стучевский, Рабство-должничество в санскском Египте, сб. «Древний Египет», М., 1960, стр. 204; Т. Н. Савельева, Аграрный строй древнего Египта, М., 1962, стр. 188 и др.

⁶ Кацнельсон, ук. соч., стр. 20.

⁷ А. М. Власков, The Rock Tombs of Meir, IV, L., 1924, Tomb Chapel D, № 2, стр. 31—32, табл. IX.

пись: «Приходят mrt (𓄎 𓄚 𓄛𓄛𓄛) дома вечности (вместе с) всякими свежими вещами, всякими прекрасными вещами».

Итак, перед нами поразительное явление — люди, носящие громкие звания, типичные египтяне по именам и внешнему облику, люди, не отличающиеся ни внешне, ни по титулам, ни по характеру приношений от ниже изображенных «людей дома вечности» Пепианьха названы mrt. Признать в них рабов невозможно⁸. Скорее их можно сопоставить с римскими клиентами древнейшего периода. Несомненно, что перед нами придворная челядь. Мы думаем, что термин mrt в данном случае отражает прежде всего факт зависимости людей от «дома вечности» Пепианьха, однако эта зависимость не низводила их до положения рабов, поскольку они продолжали носить громкие придворные титулы. Можно полагать, что именно царь наделил Пепианьха mrt, которые, переименовав таким образом патрона, превратившись в клиентов Пепианьха, стали участвовать в обслуживании заупокойного хозяйства номарха.

Большая роль, причем отнюдь не рабского характера, которую играли mrt в заупокойных владениях номархов, подтверждается и другими источниками, помимо надписи в гробнице Пепианьха. Об этом можно прочесть, например, в пространном заявлении бениханского номарха Хнумхотепа II (Среднее царство), который говорил о себе: «Он упрочил имя членов своего кенбета, облагодетельствованных сообразно с должностями их, превосходных (mnḥw) членов его дома, которых он отобрал из числа mrt (𓄎 𓄚 𓄛𓄛𓄛) своих»⁹.

Итак, mrt — это «превосходные члены его дома». Из их числа вербуются члены кенбета, они выдвигаются на различные административные посты, им покровительствует номарх Хнумхотеп. Вряд ли в подобных mrt можно видеть рабов. Перед нами пример какой-то более мягкой, более патриархальной формы зависимости, напоминающей древнеримскую клиентелу, при которой mrt становятся даже приближенными к господину людьми. Ни в надписи Пепианьха, ни в заявлении Хнумхотепа II термин mrt не мог использоваться расширительно в смысле «подданные» номарха. В первом случае mrt явно отделены терминологически в надписи от людей дома вечности Пепианьха и его заупокойных жрецов, хотя и те и другие не с меньшим основанием, чем mrt, могли считаться «подданными» номарха. Во втором случае употребление термина mrt в расширительном смысле привело бы к полнейшей неясности содержания текста, так как трудно

⁸ Под фигурами 6—9, помимо фиксации почетных титулов и имен mrt, приносящих дары, отмечается, что каждый из них был «его братом». По мнению Блэкмена, притяжательное местоимение-суффикс «его» относится к владельцу гробницы Пепианьху. В этом случае перед нами своеобразное явление — братья князя, единственного «семера», начальника, дома, начальника жрецов, вельможи Пепианьха могли быть его mrt. Если так толковать значение фразы «его брат», то тогда в термине mrt следует видеть в данном случае указание исключительно на зависимость от заупокойного хозяйства Пепианьха без уточнения социального положения. Возможно, однако, и другое понимание интересующей нас сейчас фразы — суффикс «его» (f) скорее всего имеет в виду представителя администрации «почтенного у царя» Хунра, занятого игрой в шашки (?) с сидящим перед ним «начальником дома» Мерери. Оба последних лица зафиксированы в четвертом регистре непосредственно перед mrt (фигуры 4 и 5), между тем в том регистре представлены также флейтист и две арфистки (фигуры 1, 2, 3) — «его же дочери». Суффикс «его» показывает на принадлежность дочерей флейтисту, но не Пепианьху. Думаем, что и в случае с mrt фраза «его брат» указывает на родственные отношения не с владельцем гробницы, но всего лишь с изображенным впереди Хунра (фигура 5). Если, однако, mrt и не были братьями Пепианьха, они во всяком случае принадлежали к роду «почтенного у царя» администратора и не являлись, конечно, рабами.

⁹ P. E. Newberry, Beni Hasan, I. L. 1893, гробница № 3, стр. 57, табл. XXV, 7—12.

было бы понять, кого имел в виду Хнумхотеп — своих «подданных» или настоящих рабов.

Имеются и другие источники, показывающие патриархальную близость *mrt* к своим владыкам. Так, номарх Спуты Тефьеб заявлял, что он «Нил... для *mrt* своих»¹⁰. О жене бенихасанского номарха Хнумхотепа II указывалось в гробничной надписи, что она «наследственная княгиня, возлюбленная мужем ее, прославляемая домом ее, прославляемая *mrt* ее»¹¹. Фараон Ноферхотеп (XIII династия), обращаясь с мольбой к Осирису, не считал для себя зазорным просить, чтобы его имя упоминалось людьми-*mrt* благого бога. Он говорил: «Да поместишь ты имя мое в уста *mrt* твоих»¹². Сообщая о своей победе, Тутмос I в качестве особой заслуги отмечал, что он заставил чужеземные страны поклоняться Амону: «Каждая страна с *mrt* ее в качестве воздающей единую хвалу Амону» (Urk., IV, 102, 15—16). Эти *mrt*, конечно, не были рабами. О нерабском статусе *mrt* свидетельствуют все вышеприведенные факты. Исключительное значение в этом смысле имеют случаи защиты *mrt* от произвола царской администрации. Так, в абидосском указе Нофериркара мы читаем: «Не даю я кому-либо силы в захвате каких-либо *mrt*, которые на каком-либо поле бога, ради которого выполняются обязанности какими-либо жрецами, к деятельности и работе какой-либо нома, так как они защищены на протяжении веков по приказу царя Верхнего и Нижнего Египта, Нофериркара, живущего вечно» (Urk., I, 171).

В коптосских грамотах Пепи II А и В *mrt*, наряду со жрецами, чиновниками, людьми *pr-šn*^с, защищаются от работ на дом царя, так как «они защищены для Мина Коптосского» (Urk., I, 280—281).

В декрете одного из преемников Пепи II *mrt*, как и жрецы, освобождались от работ в пользу фараона (Urk., I, 307). Хотя от работ на пользу нома *mrt* в коптосских грамотах в отличие от жрецов и чиновников не освобождались, факт защиты *mrt* от исполнения государственных повинностей в данном случае не подлежит сомнению.

Это признал косвенно и И. С. Кацнельсон, который, объясняя защиту *mrt* в коптосских грамотах А и В, писал: «Каждый житель Египта независимо от своего социального или служебного положения по приказу фараона мог быть использован на любой работе»¹³.

Совершенно ясные указания о защите *mrt* мы встречаем в документах Нового царства. Так, на абидосской стеле Рамсеса IV можно прочесть следующее: «Установил я жертвы многочисленные для твоего *k3*, удвоил я то, что было прежде в качестве ежедневного, защитил я *mrt* поселения твоего»¹⁴.

В одной карнакской надписи, относящейся к эпохе XVIII династии, говорится, что храм «полон мерет, обязанными выплачивать подати (*mrt htrw*), работниками, детьми вождей всех чужеземных стран, пришедших поклониться мощи его величества»¹⁵.

В эпоху Рамессидов *mrt* как массовые работники царско-храмовых хозяйств, занятые ткачеством, нередко фигурировали в школьных упражнениях писцов¹⁶. В одном из таких упражнений *mrt* характеризовались как «люди принудительного труда» (*rmf bhw*), живущие в Египте в разных местах нильской долины: «Другое сообщение моему господину о том, что посланы чиновники сюда в проход флаштоков,

¹⁰ Н. Brunner, Die Texte aus den Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut, Glückstadt — Hamburg — N. Y., 1937, Texte, Grab III, стр. 43, сткк. 5—6.

¹¹ Urk., VII, 42, сткк. 1—3.

¹² M. Pieper, Die Grosse Inschrift des königs Neferhotep in Abydos, Lpz, 1929, табл. С, стк. 30, стр. 32.

¹³ Кацнельсон, ук. соч. стр. 23.

¹⁴ R. Piehl, Stèle de l'époque de Ramses IV conservée au Musée de Boulaq, ZAS, 22, 1884, стр. 39 (стк. 4).

¹⁵ A. Varille, Karnak I, Le temple d'Amon Re Montou, Le Caire, 1934, табл. XXVIII—XXIX, сткк. 45—47.

¹⁶ См., например, A. H. Gardiner, Late-Egyptian Miscellanies, Bruxelles, 1937, стр. 73—75 (Pap. Anast., V, 14; 17; 19—20; 34).

чтобы сказать: „Посланы чиновники (?) города, чтобы доставить нам людей принудительного труда от Пасехемхета до Элефантины”. И вот отправились они, чтобы доста-

вить $mrt(t) \left(\begin{smallmatrix} \equiv & 4 & [2] & 2 \\ \equiv & & & \end{smallmatrix} \right)$ [сокровищницы фараона, ж.н.з.]» (Urk., IV, 58). Совершенно

очевидно, что mrt и были «людьми принудительного труда» ($gm\dot{t} \ b\dot{h}w$). Перенелкин в своем исследовании, опубликованном в I томе «Всемирной истории», пришел к выводу, что в Египте существовал особый слой производителей преимущественно из местных жителей, втянутых в крупные вельможеские и царские хозяйства, которые «отличались от собственно рабов»¹⁷. Мы думаем, что именно *мерет* были подобными производителями. Такое заключение оправдывается всеми имеющимися в нашем распоряжении материалами о mrt . Всех их и приближенную ко двору царя или номарха челядь и простых, жестоко эксплуатируемых труженников — земледельцев, скотоводов или ремесленников, — при всем разнообразии экономического положения объединяла специфичность юридического статуса, принадлежность к одному сословию зависимых людей — mrt . Одни из них обладали большой экономической самостоятельностью, другие жестоко эксплуатировались, однако и те и другие зависели от какого-либо патрона — царя, храма, номарха, вельможи.

И. С. Стучевский

¹⁷ «Всемирная история», I, М., 1955, стр. 164—170.

ДРЕВНЕЙШИЙ ПИСЬМЕННЫЙ ПАМЯТНИК КАВКАЗА*

3. Определение языка и интерпретация смысловой стороны надписи.

При определении языка и интерпретации смысловой стороны текста надписи важно, чтобы текст укладывался целиком в исторические, грамматические и лексические нормы предполагаемого языка надписи. Если интерпретатор этого достиг, он может считать задачу свою выполненной, а надпись прочтенной. Дальнейшая работа над текстом ляжет уже на аппарат аргументации, всецело зависящей от текста надписи.

В интерпретации текста Майкопской надписи колхидского письма мы во многом шли тем же путем, что и Э. Дорм в его дешифровке памятников псевдопероглифического письма из Библа. Когда нам оказался ясным консонантный состав букв надписи, мы не стали доискиваться, какие гласные могли входить в те или иные, когда-то реальные сллабы. В надписи нужно было найти опоры, которые могли бы послужить ключом к определению ее языка.

Прежде всего нам представилось, что поверхность камня не случайно разделена на сегменты. Мы допустили, что в каждом из них, по крайней мере, может содержаться одна фраза и что линии сегментов могут быть линиями фразоразделов. Это в дальнейшем оправдалось.

Это допущение помогло нам принять в четвертом сегменте надписи сочетание m_3z_3 , а вслед за этим и все словосочетание $l_2sm_3z_3$ за фразовый комплекс, в котором нашло себе соответствие абхазское народное лацамза «месяц Сева»¹. Разгадкой этого словосочетания определился, а в дальнейшем оказался и целиком оправданным язык надписи²,

* Продолжение. Начало см. в ВДИ, 1965, № 3.

¹ Он соответствует второй половине апреля и первой половине мая.

² Попытка интерпретировать надпись с позиций финикийского, а из местных — с позиций адыгского (черкесского) языка, не имела успеха. Поскольку текст свободно и хорошо уложился в абхазскую речь, мы не стали искать возможности читать его на каком-либо другом кавказском яфетическом языке.

а колхидское письмо надписи тем самым этнически конкретно закрепленным за древнейшими колхами-абхазами³.

Последующая работа над интерпретацией текста была нелегкой. Чтение по несколько раз исправлялось, менялось, восстанавливалось в прежнем понимании и опять изменялось и так до тех пор, пока текст не оказался предельно четким и ясным, отвечающим нормам письма и языка и назначению памятника⁴.

В первом сегменте надписи писец первоначально написал, как мы полагаем, фразу $h_k dm_3 g_1 nb_1$. В современном абхазском языке ей отвечает: ах, дыу (или ду) Мрн поуи — «царь великий Мрн⁵ есть».

Это наше утверждение, как здесь, так и далее, отнюдь не означает, что звучание известных нам слов, о котором текст надписи почти ничего не говорит, было таким же, как ныне. Напротив, нужно думать, что оно было далеко не таким.

Написав фразу $h_k dm_3 g_1 nb_1$ — «царь великий Мрн есть», писец не удовлетворился ее содержанием. Почему, это станет ясным из текста второго сегмента. Он дополнил фразу вставкой, которую поместил в виде трех консонантов снизу вверх над начальной h_k первой фразы. Эта вставка транскрибируется как $j_1 z_1 t$ или точнее $\bar{i} z_1 t$, так как в данном случае писец применил *matres lectionis*, поставив j_1 вместо $\bar{i}$ (см. ниже). В нашей интерпретации этот грамматический комплекс сопоставляется с современной абхазской фразой: пзгау «этот, кого собственность», resp. «этот, кому принадлежит». С этим дополнением первая фраза представилась в виде $\bar{i} z_1 t h_k dm_3 g_1 nb_1$ «этот, кому принадлежит, — царь великий Мрн есть».

Вероятно, и эта фраза показалась писцу недостаточно полной, ибо он счел необходимым сделать к ней еще одно маленькое, конкретизирующее ее добавление. Под личным именем царя $m_3 g_1 n$ «Мрн» он подписал «наш царь», поставив рядом с h — местоименным аффиксом x — «наш», вместо слова «царь» (совр. *ax*), заменяющий это слово детерминатив (см. табл. III, рис. 1 — см. ВДИ, 1965, № 3).

Этим дополнением была закончена работа писца над фразой, помещенной в первом сегменте. Теперь в целом она читалась: $\bar{i} z_1 t h_k dh$ детерминатив «царь» $m_3 g_1 nb_1$ «этот, кому принадлежит, — царь великий, наш царь Мрн есть».

Что же принадлежит царю, скрытому за трехбуквенным именем Мрн? Нам представлялось, что такой собственностью может быть какая-то местность или какие-то сооружения, чертеж которых может быть запечатлен в небуквенных фигурах в центре плитки. Ответ на наш вопрос мы нашли во втором сегменте надписи, помещенном ниже изображения в центральной части камня.

В этом втором сегменте, после детерминатива «город» (см. табл. III, рис. 2) мы нашли словосочетание, которое транскрибируется как $^a h t_4 b_1$. Размышляя над этим комплексом, мы пришли к выводу, что в нем заключены по крайней мере три слова. Сочетание букв $^a h$ обозначает название города, согласная t_4 с предшествующей ей, не обозначенной гласной i (= абх. и «его»), отвечает корню того же слова, что и в первом сегменте в сочетании $j_1 z_1 t$ ⁶, а согласная b_1 , как и в конце первой фразы в первом сегменте,

³ Колхида была полиэтнична. Этому вопросу в данном исследовании мы не касаемся.

⁴ В нашей работе по воссозданию абхазского текста Майкопской надписи колхидского письма мы постоянно консультировались на разных этапах работы, и в разных ее частях и в целом, с коренными абхазами: Х. С. Бгажба, С. В. Зухба, Ш. Д. Инал-Ипа, А. К. Каца, К. С. Шакрыл, Г. З. Шакебай и другими. Во время консультаций ни у кого из нас не возникало никаких сомнений, что в надписи мы имеем дело с абхазским текстом, другое дело, как он звучал в живой речи колхов-абхазов в те отдаленные времена, к которым относится памятник.

⁵ Рассмотрение имен собственных Майкопской надписи нами отнесено ниже.

⁶ В комплексе $^a h t_4$ и ниже в комплексе $w_k t_3$ для необозначенной гласной i (= абх. и «его») перед t_4 и w_k , мы ожидали бы знак j_1 , ибо i (= абх. и «его»), как показывает слово $j_1 z_1 t$ в первом сегменте, было долгим. Поскольку же знака i_1 перед t_4 и w_k нет,